

УДК 94(47):355.211.1"17"
DOI: 10.17223/19988613/48/10

Н.В. Козлова

**«ПРИНИМАТЬ РЕКРУТ ГОДНЫХ, ЗДОРОВЫХ И ВЗРАЧНЫХ, В УКАЗНЫЕ ЛЕТА
И МЕРУ...» (РЕКРУТСКАЯ СИСТЕМА В РОССИИ XVIII в.
В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ)**

На основе нескольких сот «сказок» воинов, получивших в 1762 г. по старости, болезням и увечьям отставку от службы, представлен коллективный портрет бывших рекрутов из крестьянской и посадской среды. Обращено внимание на возраст и рост рекрутов, продолжительность службы, участие в военных действиях, на полученные ранения и увечья. Показано физическое состояние отставных воинов, определяемых в богадельни и на пропитание в монастыри.

Ключевые слова: рекрут; рекрутская система; отставной; повинность; армия; богадельня.

Структура российской армии, ее комплектование и обеспечение, военные баталии, победы, поражения и другие аспекты военной истории имеют обширную историографию. На современном этапе изучения социальной истории активизировалось изучение истории войн в социокультурном и историко-антропологическом аспектах. В частности, исследуется воздействие войны на жизнь общества, различных его слоев, на условия повседневной жизни российских людей, правда, преимущественно XIX – начала XX в. [1–4]. В рамках этого направления в новейшей историографии осмысливаются и задачи изучения системы социального призрения отставных и увечных воинов [5]. Вместе с тем на фоне многочисленной литературы о российской армии XVIII в. и рекрутчины как основы ее комплектования, а также работ, посвященных рассмотрению форм и учреждений призрения, практике их функционирования, сами отставные воины редко привлекают к себе внимание исследователей¹. Для XVIII в. это во многом объясняется состоянием источниковой базы.

Начиная с петровского времени главным объектом социального призрения правительство сделало воинских чинов, не способных за старостью, болезнями и увечьями нести службу, солдатских вдов и детей. Они не только направлялись «для пропитания» в монастыри, но и заполняли издавна существовавшие и вновь отстраиваемые при приходских церквях богадельни. Этим процессом после ликвидации в 1721 г. патриаршества ведала Канцелярия синодального экономического правления.

Судя по сведениям, время от времени присылаемым в Канцелярию из духовных консисторий, через официальные каналы в среднем ежегодно обретали приют около 1,5 тысяч не имеющих собственных средств дряхлых, больных и увечных отставных воинов [7. Д. 24790. Л. 6]. В фонде Канцелярии РГАДА удалось выявить многочисленные «Дела об определении в богадельни и в монастыри на пропитание по доношениям разных лиц и учреждений и по промемориям центральных учреждений» за 1762 г. Включая все месяцы года, они содержат сказки 400 отставных воинов, что со-

ставляет более 25% от предполагаемого числа лиц, ежегодно присылаемых в Канцелярию и распределяемых ею по монастырям и богадельням. Распросные речи отставных содержат сведения о социальной принадлежности, возрасте и месте призыва, продолжительности службы, участии в военных действиях, ранениях и наградах, а также указание на семейное положение и наличие детей мужского пола. Соотнесение года призыва на службу и отставки позволяет узнать продолжительность службы, что с учетом возраста отставки делает возможным расчет возраста призыва. Последние данные важны для суждения о том, в каком возрастном диапазоне практиковался набор рекрутов.

В своей совокупности эти данные дают возможность представить некий коллективный портрет людей, когда-то вырванных рекрутчиной из родной среды, а спустя годы, потеряв на службе Отечеству здоровье и силы, за отсутствием собственного крова и пищи нуждавшихся в заботе. В сочетании с нормативными актами, определявшими требования власти к набору рекрута, это позволяет увидеть функционирование рекрутской системы сквозь призму человеческого измерения.

Одним из главных оснований рекрутской повинности с момента ее оформления в 1705 г. и до 1793 г. был пожизненный срок службы. В судьбе конкретного рекрута его продолжительность зависела от многих обстоятельств, в том числе условий службы, участия рекрута в военных действиях, состояния его здоровья, выносливости и, конечно, возраста, в котором он был призван в армию. На протяжении XVIII в. возраст призыва в армию не был постоянным. В 1705 г. рекрутский набор проводился в общегосударственном масштабе и коснулся лиц холостых в возрасте от 15 до 20 лет [8]. Однако уже в 1708 г. призывной возраст рекрута был повышен. Годными к военной службе признавались как холостые, так и женатые люди в возрасте от 20 до 30 лет [Там же. Т. IV. № 2214]. В дальнейшем, не отказываясь в отдельных случаях от набора только молодых рекрут,² правительство всё больше ориентировалось на пополнение армии за счет лиц «не моложе 15 и не старше 30 лет» [8. Т. VIII. № 5622, 5914]. Эти воз-

растные рамки были несколько расширены в Генеральном учреждении о сборе рекрут 1766 г. В нем говорилось, что «принимать в рекруты из положенных в подушный оклад дворовых людей и крестьян и детей их здоровых, крепких и к военной службе годных, от 17 до 35 лет..., а старше 35 лет, напротив же того и моложе 17 лет отнюдь не принимать» [8. Т. XVII. № 12748]. В начале XIX в. законодательно определенный возраст рекрут в целом оставался прежним³.

На практике эти нормы соблюдались далеко не всегда. Об этом свидетельствует анализ возраста, в котором бывшие рекруты когда-то начали службу. Такие данные удалось рассчитать относительно 397 человек. Оказалось, что возраст только половины рекрут (225 чел., или 56,7%) соответствовал установленной законом норме – от 15 до 30 лет. Из них 199 чел. (88,4%) были в возрасте от 20 до 30 лет. Немало было таких, кто пришел в армию уже после 30 лет – 171 чел., или 43,1%. Среди этой группы рекрут почти половина (82 чел., 49,1%) превышала верхнюю границу уставного возраста на 1–5 лет, еще 55 чел. (32,2%) – на 6–10 лет. Возраст 34 рекрут выходил за верхние пределы уже на 11 и более лет. Причем 7 человек оказались в армии и вовсе в возрасте от 51 до 64 лет, т.е. тогда, когда, по словам самих отставных, уже наступала «старость и дряхлость». Это были своеобразные ветераны среди новобранцев⁴. Тем не менее и они, начав службу в царствование Елизаветы Петровны, успели прослужить от 4 до 16 лет, а иные побывали в сражениях, имели ранения и лишь потом в глубокой старости (75-летний Тимофей Расторгуев уточнил «в древности») получили возможность отправиться доживать свой век в разные монастыри и богадельни [7. Д. 25602. Л. 4; Д. 25612. Л. 16 об., 19, 23 об., 26; Д. 25847. Л. 45 об.; Д. 24717. Л. 4].

Хотя закон допускал набор рекрут в возрасте до 20 лет (но не моложе 15) и даже в отдельных случаях требовал поставку лиц только этого возраста, среди исследуемой группы отставных таковых оказалось немного, всего 26 чел., или 6,5%. Встретился и вовсе малолетний. Им был 10-летний крестьянин Гаврила Яковлев, взятый в рекруты в 1722 г. из помещицкой деревни. Лишь спустя 40 лет, с учетом болезней и ранений, он получил отставку и был отправлен на пропитание в приписной к Киево-Печерской лавре Чонский монастырь [Там же. Д. 25847. Л. 45 об.].

Сделанные наблюдения свидетельствуют о том, что, во-первых, правительство довольно скоро отказалось от ориентации на комплектование армии за счет сугубо лиц холостых в возрасте не старше 20 лет, а во-вторых, бессрочный характер службы, навсегда вырывавший из местного общества людей «добрых, здоровых и взрачных», заставлял эти общества приспосабливаться к таким требованиям. Стремление к выполнению рекрутской повинности с наименьшими потерями для хозяйственного благополучия отдельных семей и тягоспособности всей общины, крестьянской или посадской, приводило к тому, что в рекруты нередко попадали

люди, которые не только по возрасту и росту не соответствовали установленным требованиям, но и вовсе были не способны к несению службы. Власть, как могла, боролась с этим явлением, грозя штрафами, разорением и вечной ссылкой на галеры как наборщиков рекрут, так и воевод и губернаторов, закрепивших негодных рекрут в росписях [8. Т. VI. № 3587].

Тем не менее среди новобранцев оказывались люди, возраст которых намного превышал установленные нормы. Бросается в глаза и высокая доля лиц холостых. Среди учтенных отставных их было 44,5% (175 чел.). С учетом того, что какая-то часть отставных обзавелась семьей уже после призыва в армию, удельный вес холостых новобранцев был еще выше, т.е. в рекруты отдавали преимущественно лиц неженатых. Причем это отнюдь не были люди молодые, поскольку возраст только 18 чел., или 10,3%, не превышал 20 лет, возраст 99 чел., или 56,6%, находился в диапазоне от 21 до 30 лет, а треть всех холостых рекрут (58 чел., 33,1%) оказалась в армии уже после 30 лет.

По наблюдению специалистов, средний возраст вступления в брак крестьян в помещицкой деревне в середине XVIII в. составлял 17–18 лет [9. С. 112–113]. В нашей группе холостых отставных воинов, кто происходил только из помещицких крестьян, те, чей призывной возраст превышал 20 лет, составляли 93,5% (72 чел.), а те, кто был старше 30 лет – 33,8% (26 чел.). Имелись среди них и лица, взятые в армию в возрасте 40 и более лет, а также и вовсе старый Филипп Харитонов, в 50 лет отданный в рекруты в 1742 г. из нижегородской вотчины и до выхода в отставку «по старости» прослуживший 20 лет [7. Д. 25075 Л. 9 об.]. Возможно, такая возрастная особенность холостых крестьян объясняет, почему именно на них падал выбор при рекрутском наборе. В крестьянской среде создание семьи являлось необходимым условием хозяйствования на земле. Семьянистость как важнейший элемент трудовых ресурсов обеспечивала достаток и тягоспособность крестьянского двора и всей общины. В связи с этим отдача в рекруты лиц, по каким-то причинам не соответствовавших обычному типу брачного поведения⁵, не имевших жены и детей, была менее чувствительна, чем потеря уже женатого крестьянина или холостого, но перспективного в своем юном возрасте человека.

Правительство, желая иметь в армии сильных и здоровых людей, обращало внимание не только на возраст рекрут, но и на их рост. В одном из указов прямо говорилось, что помещики сдают в рекруты таких людей, «кои по летам хотя и годны к службе, но неспособны к оной по малому росту или другим недостаткам» [8. Т. XXX. № 23271]. Если под «недостатками» понимались увечья и хронические болезни, выявлять которые следовало врачам и полковым лекарям, то рост («мера») рекрута каждый раз прописывалась в указе об очередном наборе. Правда, конкретное определение «меры» было дано не сразу, так что в петров-

скую армию попадали рекруты всякого роста. Лишь в 1726 г. Сенат велел Военной коллегии установить, ниже какой «меры» рекрут в службу не принимать. Решено было исходить из реалий армейской жизни, сняв «меру» «малорослых солдат, которые уже действительно в военной службе обретаются» [8. Т. VII. № 4845, 4859]. Видимо, посчитали, что если они как-то справляются со службой, то впредь смогут и другие. Таким образом, в 1730 г. был определен минимальный рост рекрута – 2 аршина с четвертью (162 см) [Там же. Т. VIII. № 5582].

Однако эта «мера» продержалась недолго. Уже в 1731 г. при наборе рекрут в возрасте от 15 до 20 лет их рост мог быть ниже указной величины на 1,5–2,5 вершка, т.е. едва достигать 151 см [Там же. Т. VIII. № 5768]. Столь малый рост допускался, видимо, с расчетом молодости и продолжавшегося роста новобранцев. Через два года, в 1733 г., все же была сделана поправка. Теперь для рекрут не старше 20 лет «мера» устанавливалась в 2 аршина 3 вершка (157,5 см.), а тот, кто был в возрасте от 20 до 30 лет, должен был быть как минимум на полвершка выше (159,75 см) [Там же. Т. IX. № 6495]. Позднее позволялось принимать рекрут ниже указной меры, но с определением их в гарнизонные полки [Там же. Т. X. № 7464].

Понижение ростовых цензов, свидетельствуя об увеличении потребности в новых солдатах, отражало усиление тяжести рекрутской повинности для населения. Имеющиеся в литературе данные свидетельствуют, что средний рост новобранцев к концу XVIII в. понизился на 4,5 см по сравнению с началом столетия [10. С. 19]. Тем не менее он почти всегда оставался выше минимальной указной меры. Это свидетельствует о том, что рост большинства рекрутов превышал установленные нормы, но не исключает наличия малорослых рекрутов. Даже среди 32 инвалидов, распределенных в 1762 г. по московским богадельням, двое были ниже указной «меры» на 1 и 1,5 вершка. Первый, бомбардир Фрол Афанасьев, начал службу в 1731 г. в возрасте 36 лет. Его рост составлял 2 аршина 3 вершка, или 157,5 см, против 162 см (2 аршина с четвертью), принятых тогда за минимальный рост рекрута. Вторым, канонир Сергей Перфильев, оказался в армии в 1736 г. в возрасте 40 лет, имея рост 153 см, т.е. более чем на 5 см (1,5 вершка) не достигавший установленной в 1733 г. меры. Примечательно, что и возраст обоих происходивших из крестьян рекрутов существенно превышал верхнюю возрастную границу, а С. Перфильев к тому же не только был холостым при отдаче его в рекруты, но и в дальнейшем не обзавелся семьей. В свете ранее сделанных наблюдений все эти совпадения кажутся неслучайными. Они указывают на направления поиска крестьянским миром возможности смягчения для него тяжелого бремени рекрутской повинности.

На долю тех, кто вышел в отставку в 1762 г., выпало не меньше тягостей, чем на долю солдат петровского времени. Многие из них участвовали в войнах России с

Турцией (1735–1739 гг.), Швецией (1741–1743 гг.), Пруссией (1757–1762 гг.). Тяготы военной службы не могли не оставить своих следов. Они проявлялись в преждевременной дряхлости, немощи, всевозможных болезнях и различных увечьях, полученных как из-за ранений, так и в результате несчастных случаев. Среди отставленных по ранениям и сопутствующим им болезням были как совсем молодые люди, недавно рекрутами набранные в армию в возрасте от 17 до 26 лет и успевшие прослужить в ней лишь 3–7 лет, так и прослужившие не менее 25 лет. Понятно, что ветераны выходили в отставку в зрелом, а то и весьма преклонном возрасте. Имелись и совсем старые – 70- и даже 80-летние.

Характер ран и увечий позволяет почти зримо ощутить, в каком состоянии отставные воины попадали в монастыри и богадельни. Подпоручик Андрей Ананьин, 40 лет, за 22-летнюю службу в армии побывавший в разных сражениях, был «ранен в правой глас вскольсь пулею, в левую руку сквось ладони пулею ж, нос и лицо саблею перерублено поперех, в правую ногу сквось ступени пулею ж». У 34-летнего подпоручика Василия Сапожникова, кроме ранения «в правое бедро и левое навыйлет пулею, голова в шести местах саблею порублена». Оба они, получив ранения в 1758 г., остались «на плац параде» и были взяты «в полон». Проведя в плену несколько лет, в 1761 г. они по размену пленных вернулись на родину и одновременно с чином подпоручика получили отставку [7. Д. 24790. Л. 2, 2 об.]. 58-летний канонир Федор Осипов сын Кулченосов («2 аршина 5 вершков, лицом мало беловат, нос плоск, глаза серые, волосом рус»), в послужном списке которого значились такие знаменательные вехи, как Крым, Очаков, Бендеры, Хотин, Яссы, Швеция, был «ранен стрелою меж бровей и всем корпусом слаб» [Там же. Д. 25714. Л. 2 об.].

Болезни нередко сопутствовали ранениям. Но еще чаще их вызывали условия самой службы, требовавшей максимальных усилий и напряжения сил. Болезни, как и раны, настигали служилых в любом возрасте, хотя, конечно, со временем все больше накапливались так называемые возрастные заболевания. Наиболее распространенный «диагноз» – «глаза мало видят, в ногах лом и всем корпусом слаб» – мог дополняться другими недугами: «животом скорбен», «животом и ногами скорбен, и в шее станова яила повреждена», «имеет внутреннюю болезнь, живот выходит и в ногах лом», «ухом не слышит», «ушами глух», «уши опалены, коими мало слышит», «левая рука не поднимается», «правая рука в локте не разгибается, по кость высохла, левая повыше кисти высохла ж», «в руках и ногах лом», «грыжная болезнь», «у правой руки два перста не гнутца». У 42-летнего фузелера Ивана Иванова сына Козлова «на правой ноге на берце две кости выпали, грыжи и всем корпусом слаб». Встречались также чахотка и «цынготная болезнь». Цингою страдали 65-летние канониры Афанасий Дмитриев и Осип Федоров сын Зазвонов [Там же. Л. 2 об.–7]. Оба они за более чем

30-летнюю службу участвовали не в одной военной кампании. Цинга не была редкостью в армии, и хотя с ней энергично боролись, это заболевание было распространено – особенно во время военных походов [11. С. 70].

Тот, кому повезло, кто не был убит, ранен, изувечен или не приобрел до наступления старости хронические и неизлечимые болезни, выходил в отставку, лишь когда наступал естественный предел сил и ресурсов. По терминологии того времени это называлось «за старостью и дряхлостью», или «за старостью и слабостью», или «за старостью и древностью». Потеря для многих отставных

трудоспособности в сочетании с отсутствием каких бы то ни было средств к существованию оправдывало ориентированность государственной системы социального призрения в XVIII в. преимущественно на отставных воинов. Бессрочная воинская повинность тяглого населения, существовавшая до конца XVIII в., не только меняла жизнь и судьбу рекрута и его семьи, но при самом благоприятном раскладе забирала все его силы и здоровье. На этом фоне трудно переоценить ту привилегию, которая была обретена дворянством, уже в 1736 г. получившим сокращение срока службы до 25 лет, а в 1762 г. и полное освобождение от нее.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Из новейших работ см.: [6. С. 140–181, 271–297].

² В именном указе 5 апреля 1720 г. Петр I велел московскому вице-губернатору набрать 2 000 человек в матросы из подмосковных крестьян, «чтоб старее 20 лет отнюдь не было, а моложе 15». В указе же 1731 г. предписывалось принимать молодых рекрут (от 15 до 20 лет) в службу, хотя бы они были и ниже указной меры «вершком полуторым, двумя и полутретьим меньше» [8. Т. VI. № 3561; Т. VIII. № 5768].

³ Указ 1811 г. определил его от 18 до 37 лет [8. Т. XXXI. № 2477].

⁴ Рядовые из крестьян Рада Дымов, Степан Промахин, Алексей Костылев, Дмитрий Колычев, Илья Секов, Тимофей Расторгуев и из посадских Тит Карасев.

⁵ Об этом свидетельствует не только их возраст, но и отсутствие у них семьи на протяжении всей дальнейшей жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Homo belli – человек войны в микроистории и истории повседневности: Россия и Европа XVIII–XX веков : материалы рос. науч. конф. 19–20 апреля 2000 г. Н. Новгород : Нижегород. гуманитар. центр, 2000. 311 с.
2. Армия и общество : материалы междунар. науч. конф. 28 февраля 2000 г. / отв. ред. П.П. Щербинин. Тамбов, 2002. 234 с.
3. Человек и война. Война как явление культуры : сб. статей / под ред. И.В. Нарского и О.Ю. Никоновой. М., 2001. 480 с.
4. Гушин А.В. Русская армия в войне 1904–1905 гг.: историко-антропологическое исследование влияния взаимоотношений военнослужащих на ход боевых действий. СПб. : Реноме, 2014. 256 с.
5. Щербинин П.П. Особенности призрения увечных воинов в России в XVIII – начале XX в. // Армия и общество : материалы междунар. научной конф. Тамбов, 28 февраля 2000 г. Тамбов, 2002. С. 64–83.
6. Козлова Н.В. Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII века. М. : РОССПЭН, 2010. 359 с.
7. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 390. Оп. 1. Ч. 3.
8. Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание первое : С 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830.
9. Мохначева М.П., Прохоров М.Ф. Крестьянская семья в крепостной деревне Брянского края в середине XVIII века // Проблемы социальной истории Европы: от античности до нового времени : сборник. Брянск : Изд-во Брян. гос. пед. ун-та, 1995. С. 108–118.
10. Миронов Б.Н. Когда в России жилось хорошо? Эпизод первый. XVIII – первая половина XIX века // Родина. 2008. № 4. С. 15–21.
11. Ковригина В.А., Сысоева Е.К., Шанский Д.Н. Медицина и здравоохранение // Очерки истории русской культуры XVIII века : в 4 т. / гл. ред. Б.А. Рыбаков. М. : МГУ, 1988. Т. 3 / Н.Ф. Уткина, В.А. Ковригина, Е.К. Сысоева и др. С. 50–84.

Kozlova Natalia V. Moscow State University (Moscow, Russia). E-mail: kozlova.n.v.i@gmail.com

«TO ACCEPT THE RECRUITS SUITABLE, HEALTHY AND PREPOSSESSING, IN STATED AGE OF SUMMER AND THE MEASURE ...» (RECRUITING SYSTEM IN RUSSIA OF THE 18TH CENTURY IN ANTHROPOLOGICAL ASPECT).

Key words: recruit; recruiting system; retired; duty; army; almshouse.

The regular army created by Peter I, the cornerstone of which completing was the recruiting system left behind not only laurels of victories, but also served their time veterans and crippled young soldiers. The government tried to take care of them, placing them in almshouses and on livelihood to monasteries. On the basis of 400 official testimonies of retired soldiers of 1762 revealed in funds of Office of Synod economic board of RGADA the author seeks to present a social and individual portrait of retired recruits. Sources contain data on origin, age and the place of levy, duration of military service, participation in military operations, wounds and awards, marital status and presence of male children. In combination with the regulations defining requirements of the power to set the recruit it allows to see functioning of recruiting system in the XVIII century through a prism of human measurement. In practice it has turned out that the age only of a half investigated recruits (225 persons, or 56,7%) met the standard from 15 to 30 years established by the law. There were such who has come to army after 30 years – 171 persons or 43,1%. And more than half of them (89 pers., 52%) had the age exceeded the top limits for 11 and more years. And quite peculiar veterans aged from 51 up to 64 years and also the juvenile at 10-year age have been found among recruits. The author sees an explanation for this phenomenon in yearning of peasant and trading quarter communities as much as possible to reduce negative consequences of the recruitment which was systematically withdrawing the most able-bodied persons from local society. As a result quite often among the recruits found themselves persons who not only by age and height did not conform to the established requirements, but also were not capable to service at all. As the same security measure served also sending to army of unmarried persons that is confirmed by their high share among recruits. The power by its decrees determined also minimum height (“measure”) of the recruit as indicator of his ability to service. Throughout century there was a decrease in the height qualification, as a result height of recruits remained above the minimum decree measure. On the basis of official testimonies of the retired the sketches of diseases, the nature of the wounds and mutilations sustained by them both during various military fights and as a result of

conditions of service are given. As a result becomes obvious that the recruitment, being in the 18th century a termless compulsory military service of the taxed population, took away all forces and health of the recruit. Release from service at the most favorable deal happened only "because of old age and decrepitude". For many retired the loss of working capacity in combination with absence of any livelihood, justified orientation of the state system of social charity at that time mainly on retired soldiers.

REFERENCES

1. Shaposhnikov, L.E. (ed.) (2000) *Homo belli – chelovek voyny v mikroistorii i istorii povsednevnosti: Rossiya i Evropa XVIII–XX vekov* [Homo belli – a man of war in microhistory and the history of everyday life: Russia and Europe of the 18th – 20th centuries]. Nizhny Novgorod: Nizhegor. gumanitar. Tsentr.
2. Shcherbinin, P.P. (ed.) (2002) *Armiya i obshchestvo* [Army and Society]. Tambov: Tambov State University.
3. NarSKIY, I.V. & Nikonova, O.Yu. (eds) (2001) *Chelovek i voyna. Voyna kak yavlenie kul'tury* [Man and War. War as a Phenomenon of Culture]. Moscow: AIRO-XX.
4. Gushchin, A.V. (2014) *Russkaya armiya v voyne 1904–1905 gg.: istoriko-antropologicheskoe issledovanie vliyaniya vzaimootnosheniy voennosluzhashchikh na khod boevykh deystviy* [The Russian Army in the War of 1904–1905: A historical and anthropological study of the influence of military servicemen's relations on the course of military operations]. St. Petersburg: Renome.
5. Shcherbinin, P.P. (2002) Osobennosti prizreniya uvechnykh voynov v Rossii v XVIII – nachale XX v. [Charity of war-maimed soldiers in Russia in the 18th – early 20th centuries]. In: Shcherbinin, P.P. (ed.) (2002) *Armiya i obshchestvo* [Army and Society]. Tambov: Tambov State University. pp. 64–83.
6. Kozlova, N.V. (2010) *Lyudi dryakhlye, bol'nye, ubogie v Moskve XVIII veka* [Decrepit, sick, miserable people in Moscow of the 18th century]. Moscow: ROSSPEN.
7. The Russian State Archives of Ancient Acts (RGADA). Fund 390. List 1. Part 3.
8. Russia. (1830) *Polnoe Sobranie Zakonov Rossiyskoy Imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 1. St. Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii.
9. Mokhnacheva, M.P. & Prokhorov, M.F. (1995) Krest'yanskaya sem'ya v krepostnoy derevne Bryanskogo kraya v seredine XVIII veka [The peasant family in the serf village of the Bryansk Territory in the middle of the 18th century]. In: *Problemy sotsial'noy istorii Evropy: ot antichnosti do novogo vremeni* [Problems of the Social History of Europe: From Antiquity to Modern Times]. Bryansk: Bryansk State Pedagogical University. pp. 108–118.
10. Mironov, B.N. (2008) Kogda v Rossii zhilos' khorosho? Epizod pervyy. XVIII – pervaya polovina XIX veka [When did Russia live well? The first episode. The 18th – first half of the 19th centuries]. *Rodina*. 4. pp. 15–21.
11. Kovrigina, V.A., Sysoeva, E.K. & Shanskiy, D.N. (1988) Meditsina i zdravookhranenie [DN Medicine and public health]. In: Rybakov, B.A. (ed.) *Ocherki istorii russkoy kul'tury XVIII veka: v 4 t.* [Essays on the History of Russian Culture of the 18th Century: In 4 vols]. Vol. 3. Moscow: Moscow State University. pp. 50–84.